— Молчи!.. теперь ~~что уже~~ почти крикнула
— Пусти меня... Я сама пойду, — ~~шепотом~~ плачущим голосом.

7. — 11

Не позорьем алым цветом, а собачьей бесплодной дурнотьяном придорожном цветет поздняя бабья любовь.

С пыхтка лунового переродилась Аксинья. Будто кто отметину сделал на ее лице. Бабы, глядевшие на нее при встрече, ехидно улыбались, качали головами вслед; девки завидовали, а она гордо и ~~не низко~~ высоко несла свою счастливую, на срамную голову. Нет такого случая, чтобы можно было в станице утаить ее от соседей. Скоро про Гришкину связь узнала ~~станица~~ все. Сначала говорили шепотом, верили и не верили, но после того, как станичный пастух Кузьма Курнос, на заре увидев их возле ветряка, по пояс в невысоком жите, жутной прибойной волной покатилась молва.

Дошла и до ушей Ивана Семеновича. Как-то в воскресенье пришел он в лавку к Лукову, подошел к прилавку, где отпускали мануфактуру. В лавке народу-недотолпищься, вошел Иван Семенович, как будто расступились. Поторопились. Тебя ему взялся отпускать сам хозяин, Сергей Платонович. ~~Что приканешь, Иван Семенович~~? Что-то тебя давненько не видать, Иван Семенович?

Делишки все. Неустройка в хозяйстве.

Что так? Сына вон какие, а неустройка.

Что-и сына-то. Петра вон в лагери проводил, двое с Гришаткой и ворогом.

Сергей Платонович недоверчиво двое раз провел крутую бороду и скосил на толпившихся вокруг казаков глаза.

Ди, брат, что-то ты этак приплелся-то?

А что?

Как что? Сына задумал женить, а сам ни гу-гу.

Какова сына?

Григорий у тебя ведь не нехватой-то.

Покедь мимо не собирался женить.

А я слыхал будто в сторону борешь... Степана Автахова Аксинью...

Я от живова мужа... Да то, мол-и, Платонович, наврале сжелешься? А?

Иван Семенович оперся о прилавок и нахмурил брови.

Без смеха, слыхал от людей.

Иван Семенович разглядел на прилавке штуку развернутой материи и круто повернувшись ~~отошел~~ зашагал к выходу.